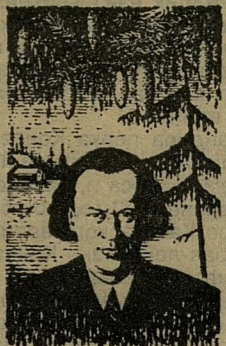

Лит. Россия. — 1994. —
25 нояб. —
с. 6-7.

Иван
ЕВДОКИМОВ

Я НИКОГДА не был интимно близок с Есениным. Мы были на «ты», но Есенин «тыкался» с такой уйма людей, что это «ты» не имело никакого внутреннего значения. Я не выпил с Есениным ни одной рюмки водки, мне не довелось встречаться с ним в его частной жизни, не довелось бывать у него. В начале осени 1925 года в день его рождения (Есенину исполнилось тридцать лет) наметили встречу, но она не удалась из-за невменяемого состояния поэта. Встречи происходили два года: в 1924 и в 1925 гг.¹ Было их довольно много. И от этих встреч на всю жизнь остались тяжелые и радостные воспоминания: какой-то горький и слатимый аромат.

Была у меня внутренняя подготовка к этим встречам: удивленная любовь к стихам Есенина от первой книжки «Радуница», прочитанной мной в студенческие годы, и от всех последующих книжек за ней. Бывало временное притупление интереса к его поэзии, некоторые стихотворения не удовлетворяли, но основное чувство не изменялось.

НА БОЛЬШОМ УСПЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Помню, в домораживающие последние морозы дни зимы 1924 года, с небольшим скупым солнцем на полу, вдруг в комнату вошел человек в зимнем пальто, вошел и бросился глазами в глаза. Никогда раньше не видав его, я узнал по прежде попадавшимся портретам Есенина. И мне сразу запомнились — мягкая, легкая и стремительная походка, не похожая ни на какую другую, своеобразный наклон головы вперед, будто она устала держаться прямо на белой и тонкой шее, и чуть-чуть свисала к груди, белое негладкое лицо, синеватые небольшие глаза, слегка прищуренные, и улыбка, необычайно тонкая, почти неуловимая. Этот образ запечатлелся. За Есениным вошел поэт А. Ганин. Последнего я знал давно: мы земляки. Ганин меня и познакомил с Есениным. Бывший тут поэт Казин стал показывать Есенину какую-то рукопись. Ганин сел к моему столу и спросил о судьбе его стихотворений, находившихся в отделе на просмотре. Я не успел ответить, как Есенин повернулся от Казина: — Надо, надо взять. У него хорошие стихи, очень хорошие стихи.

На лице у него была застенчивая усмешка. Стихи казались отделу плохими — и не были приняты. Такие разговоры повторялись в дальнейшем: Есенин часто хлопотал то об одном, то о другом поэте. Наслышанный о скандалах и пьяных кутежах Есенина, я предполагал увидеть его пьяным, но Есенин был трезв. Только веки, когда я жадно и осторожно сбочку рассмотрел его, были с малиновыми бисеринками.

Вторая встреча произошла вскоре — Есенин пришел жестоко пьяный. Была другая походка, не было улыбки, только по-прежнему свисала голова, гораздо ниже, высоко на лоб была вздернута шапка, лицо было подавлено и мрачно... Вид у него был растерзанный. Галстук сполз набок, кашне чуть держалось, закинутое на плечо, — и эти чудесные неповторимые глаза были тусклы и слезливы, отливали какой-то серью. Есенин говорил резко, громко, почти кричал. В комнатах повеяло тревогой, все насторожилось... Я видел по глазам моих товарищей, как они втайне ждали, чтобы он скорее ушел. Надо было слушаться так, что в это время появился в комнате маленький, но очень заносчивый, грубый, завистливый литератор, какие шныряют по редакциям и трутся о спины крупных и настоящих художников. Есенин вдруг заулыбался ему — и как будто стало веселее в комнате, тревога разрядилась... Но литератор с подчеркнутой близостью к Есенину панибратски воскликнул:

— А, Сережка, ты опять?..
Восклицание это резнуло всех — и прежде всего Есенина. Было ясно, как поэт пытался насильно улыбнуться, а

Имя Ивана Васильевича Евдокимова (1887—1941) мало что говорит современному читателю. Его романы, повести и рассказы (в 1928 году в издательстве «Земля и Фабрика» вышло четырехтомное собрание сочинений) в наши дни почти не издаются. И сегодня разве только в крупных библиотеках можно найти давние издания замечательных книг Ивана Васильевича о Репине, Крамском, Левитане, Врубеле, Сурикове и Борисове-Мусатове. А его уникальная монография «Север в истории русского искусства», его книги «Русская игрушка» и «Вологодские стенные росписи», поразившие знатоков великолепным владением материалом, давно стали библиографическими редкостями.

И еще Иван Васильевич Евдокимов был добрым редактором — именно с ним работал над своим трехтомным собранием сочинений Сергей Александрович Есенин. А после трагической гибели поэта И. Евдокимов довел начатое Есениным дело до конца. И кроме трех томов, подготовленных самим

потом вглядываясь в него тяжело, пошевелил губами и брызнул густо и враждебно слюной матерную брань...

Литератор продолжал паясничать, но тут как-то все, без уговора, сразу заговорили, окружили Есенина, отнесли от него литературного Хлестакова... Есенин уже забыл о нем, махнул рукой и стал просить у секретаря журнала «Красная Новь» деньги за стихи.

И все мои дальнейшие встречи с Есениным происходили именно в этих двух закономерно чередовавшихся состояниях: он был или пьян, или навеселе. Чаще всего он был пьян, точнее — выпивши. И у меня остались два совершенно разных образа.

Когда он навеселе входил в комнату своей легкой походкой, с изумительными своими глазами, у меня всег-

комнате оставался только он один и его звеневшие стихи, Есенин громко и жарко и горько кому-то говорил о своих тягостных переживаниях, грозил, убеждал, спорил... Расходясь и расходясь, он жестикулировал, сдвигал на лоб шапку, на лице выступал тончайший пот, губы быстро-быстро шевелились...

Первый раз я слушал его весной 1924 года. Он пришел под хмельком. Мы собирались уже уходить с работы. Он принес стихотворение «Письмо к матери», напечатанное в третьей книжке «Красная Новь» за 1924 год. Кто-то попросил его прочитать. Держа в руке листок и не глядя в него, он начал читать. Лица его не было видно. Он стоял спиной к окну. Слушали Казин, Когоут², Казанский³ и я. Помню, как по спине пошла мелкая, холодная оторопь, когда я услышал:

*Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне.
Что ты часто ходишь на дорожку
В старомодном ветхом шушуне.*

Я искося взглянул на него: у окна темнела чрезвычайно грустная и печальная фигура поэта. Есенин жалобно мотал головой:

*Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.*

Тут голос Есенина пресекся, он, было видно, трудно пошел дальше, захрипел... и еще раз запнулся на строчках:

*Я вернусь, когда раскиснет ветви
По-весеннему наш белый сад.*

Дальше мои впечатления пропадают, потому что зажало мне крепко и жестоко горло, таясь и прячась, я плакал в глубине огромного нелепого кресла, на котором сидел в темном простенке между окнами.

Он кончил. Помолчали. В дверях мигал светлыми, слегка желтыми глазами Казанский, Когоут с неподвижным своим лицом тушевал карандашом на какой-то нужной казенной бумаге, Казин серьезно и мечтательно вслушивался в слова, подняв кверху свой нос щипком.

— Ну, каково? — быстро спросил Есенин.

У меня, может быть, некстати подвернулось одно слово:

— Вкусно!

Есенину оно понравилось, он несколько раз повторил его. Через год, когда мы познакомились поближе, он рассказывал мне о новых своих вещах, всегда смеясь, шутил:

— Кажется, опять получилось вкусно. Вскоре он читал другую свою вещь: *Годы молодые с забутенной славой!*

Отправил я сам вас горькою отравой.

Остановились мы у стола машинистки

поэтом, увидел свет еще и четвертый — уникальный том с обширной библиографией произведений С. Есенина и литературы о нем, инициатором издания которого стал И. Евдокимов.

К годовщине со дня гибели Сергея Есенина Иван Евдокимов подготовил и отредактировал замечательную книгу воспоминаний о Есенине. Увидели свет в ней и искренние строки о великом поэте самого Ивана Васильевича.

После 1926 года эти мемуары печатались только в сокращенном виде в двухтомнике «С.А. Есенин в воспоминаниях современников», вышедшем в 1986 году в издательстве «Художественная литература».

Думается, что все же имеет смысл в год 100-летия со дня рождения Сергея Есенина познакомить читателей — подлинных поклонников творчества Есенина — с текстом воспоминаний Ивана Евдокимова, опубликованным в книге, обложку которой мы воспроизводим сегодня.

Юрий ЮШКИН

«Красной Нови». Были — Воронский, Казанский и я.

— Хочешь, прочитаю новое стихотворение? — обратились Есенин к Воронскому.

— Ну, — буркнул Воронский.

У Есенина была перевязана марлей рука около кисти. Он только что вышел из больницы. До того говорили: Есенин глубоко и опасно разрезал чем-то руку.

Мы затаились. Особенно мне запомнился Воронский.

Он выглядел из-под светлых стеклышек пенсне с какой-то удивленной тревогой, улыбка пришла сразу и не сходила с лица, он хорохорился, храбрился, скрывал свои чувства и переживания, но они были явны в той жадности внимания, с какой он смотрел на поэта.

Каюсь, никогда не мог без спазм в горле

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЕСЕНИН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1. 0. 2. 0.

да было такое впечатление, что в комнате зажигался синий огонь, разливая свое удивительное сияние. А когда он приходил пьяный, в комнате будто начал чадить желтый густой ночник, все заволакивая копошью. Пьяный он был заносчив, груб, матерщинничал, кричал; на лице у него было высокомерие; лицо было резкое, злое; потухали и злели глаза; он размахивал руками и много курил. Впечатление он производил тяжелое, неприятное, часто отталкивающее. Он непременно кого-либо ругал, чаще всего писателей и поэтов. Не скрою, я тяготился им. Я стремился осторожно выпроваживать его. Есенин понимал, он растерянно протягивал руку, жалко ухмылялся, неловко поворачивался, опускал голову — и мрачно толкал дверь. В глазах у него была явственная боль — и от этого становилось еще тяжелее. Но это было неизбежно.

Самыми яркими впечатлениями от встреч с Есениным было чтение им стихов.

Он тогда ни на кого не глядел, глаза устремлялись куда-то в сторону, свисала к груди голова, тряслись волосы непокорными вьюнами, а губы уставлялись детским капризным топичком. И как только раздавались первые строчки, будто запевал чуть неслаженный музыкальный инструмент, понемногу звуки вырастали, исчезала начальная хрипотца — и строфа за строфой лилась жарко, хмельно, страстно... Я слушал лучших наших артистов, исполнявших стихи Есенина, но, конечно, никто из них не передавал даже примерно той внутренней и музыкальной силы, какая была в чтении самого поэта. Никто не умел извлекать из его стихов нужные интонации, никому так не пела та подслухная непередаваемая музыка, какую создавал Есенин, читая свои произведения. Чтец это был изумительный. И когда он читал, сразу понималось, что чтение для него самого есть внутреннее, глубоко важное дело.

Забывая о присутствующих, будто в

слушать чтение Есенина. И на этот раз, отвернувшись к шкафу, хлебал я редкие слезы и протирал глаза.

*Взял я кнут и ну стегать
по лошажьим спинам...*

— в величайшем возбуждении, трясая забинтованной рукой, кричал Есенин:

*Бью, а кони, как метель,
шерсть разносят в хлопья.*

*Вдруг толчок,
и из саней прямо на сугроб я...*

Встал и вижу: что за черт!

*Вместо бойкой тройки,
Забинтованный лежу*

на больничной койке.

*И вместо лошадей —
по дороге тряской*

*Бью я жесткую кровать
мокром повязкой.*

Нет, это было совершенно необыкновенно, это потрясло, это выворачивалась раненая душа поэта!

*Синие твои глаза
в кабаках промокли.*

Сорвался вдруг голос Есенина, пахнуло от него противно винным дыханием, он закашлялся и устало вытер платком лоб.

— Ты мне давай его, — взволнованно сказал Воронский.

Стихи были напечатаны рядом с «Письмом к матери» в той же книжке «Красной Нови».

В мае—июне месяце 1924 года литературно-художественный отдел перевел в Большого Успенского переулка в Главное Управление Госиздата на Рождественку.

Перед отъездом — в комнатах был уже разгром — зашел Есенин, трезвый, веселый, свежий. Он собрался уезжать из Москвы.

— До осени, — говорил он, — буду

писать прозу. Напишу повесть листов десять. Хочется. Я ведь писал прозой.

— Это «Яр»-то?

— Да. И еще. Воронскому привезу ее осенью. Для «Красной Нови». И сюжет... и все у меня есть.

— Не забудь привезти стихов, — пошутил я.

— И стихи будут. Сначала в деревню к себе съезжу. У нас там охота хорошая. Денег надо свезти на сенокос матери. Потом поеду на юг.

В дальнейшем я встречал Есенина в Госиздате мельком в конце 1924 года и в первой половине 1925 года, обычно в крестьянском отделе или в коридорах, у кассы. При первой же встрече зимой я спросил:

— А как, Сергей Александрович, повесть?

Он заулыбался и, будто извиняясь, ответил:

— Ничего не вышло. Да и заболел я.

БЕРЕЗОВЫЙ СИТЕЦ

В июне 1925 года Есенин зачастил в литературно-художественный отдел Госиздата. Кажется, он вернулся тогда из Баку. Пошли слухи о женитьбе его на С.А. Толстой. И неизменно при этом повторяли: на внучке Толстого. Наконец, он мне и сам сказал.

— Евдокимыч⁴, я женюсь. Живу я у Сони. Это моя жена. Скоро будет свадьба. Всех своих ребят позову да несколько графьев. Народу будет человек семьдесят. А Катя — сестра выходит замуж за поэта Наседкина.

Почему-то больше всех хлопотала и волновалась о свадьбе А.А. Берзиня, считавшаяся близким другом Есенина. Чаще всего с нею он и заходил ко мне в то время. Шли переговоры о новой книжке стихов Есенина под названием «Рябиновый костер». Литературно-художественный отдел заключил договор на эту книжку. Договор заключали спешно, чтобы иметь какой-либо повод выдать ему из кассы сто рублей денег. Впоследствии этот договор аннулировали, когда заключили договор на трехтомное «собрание стихотворений».

Наблюдая в этот месяц Есенина, — а приходил он неизменно трезвый, живой, в белом костюме (был он в нем обаятелен), приходил с невестой и три раза знакомил с ней. — я сохранил воспоминание о начале, казалось, глубокого и серьезного перелома в душе поэта. Мне думалось, что женится он по-настоящему, переберется — дальше может начаться крепкая и яркая жизнь. Скептики посмеивались:

— Очередная женитьба! Да здравствует следующая!

А он сам как-то говорил:

— С Соней у меня давно, давно... давнишний роман. Теперь только женимся.

Скептики оказались правы: в середине месяца он приходил два раза пьяный, растерзанный. Досушие языки шептали: — Вчера сбежал от невесты! Свадьбы не будет!

И уже приходили колебания — делаемый им шаг становился случайным.

Незадолго перед этими днями литературно-художественный отдел выпустил его книжку «Березовый ситец». Двенадцатого июня он пришел в отдел за авторскими экземплярами в сопровождении А.А. Берзиня, пошатываясь, ухмыляясь, тускло глядя. Когда через некоторое время я вернулся, Есенина уже не было, но мне кто-то передал от него книжку с надписью красными чернилами:

*Сердце вином не вымою,
Милому Евдокимочу
Пока я тих,
Эта книга и стих.*

С. ЕСЕНИН

1925, 12/VI.

¹ Сначала на Большом Успенском переулке, д. 5, где помещался литературно-художественный отдел Госиздата. Тут же в соседних комнатах была редакция журнала «Красная Новь» и книгоиздательство «Круг». В мае—июне 1924 г. лит.-худ. отдел переехал в Главное Управление Госиздата, уют Рождественки и Софийки. Автор воспоминаний был техническим редактором лит.-худ. отдела.

² Когоут Н.Н. — художник, секретарь лит.-худ. отдела.

³ Казанский В.И. — секретарь «Красной Нови».

⁴ Так он называл меня почти с первой встречи.

(Продолжение следует)